IV.

СМѢСЬ.

ЛѢТО ВЪ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРѢ.

(Мезенскаго уѣзда Арх. г.)

На Большеземельской тундрѣ, въ теплую, сухую и ясную погоду, когда такъ хорошо ловится и рыба, и дикая птица, и морской звѣрь, собираются промышленники почти со всего Печорскаго края. Тутъ чумуютъ и Большеземельскіе Самоѣды, и Ижемскіе Заряне, и Тельвисочники (*). По берегамъ Сѣвернаго океана, влѣво отъ рѣки Коротаихи, тянется морская лапта или приморская долина, покрытая мохомъ; при устьѣ рѣки и другихъ рѣчекъ построены промышленныя избы, за ними бани и амбары—все это взятое вмѣстѣ, легко можно было принять за селеніе.

Далѣе отъ береговъ океана были разставлены лѣтніе берестяные чумы, изъ верховъ которыхъ безостановочно клубился дымъ, вылетали искры, и чумы по своей конической формѣ и цвѣту ньюковъ, могли показаться незнакомому съ

(*) Тельвисочниками здѣсь называютъ русскихъ крестьянъ Тельвисочной волости, расположенной по обоимъ берегамъ рѣки Печоры отъ ея устья до Усть-Цылемской слободы.

тундрою, рядомъ огнедышащихъ сопокъ. На наружныя ньюки чумовъ былъ наложенъ различный хламъ, въ томъ числѣ и оленьи сани, опрокинутыя своими крючковатыми полозьями къ верху. По береговымъ пескамъ бѣгали самоѣдята, играя между собою и безпрестанно теребя инокъ (Самоѣдокъ), чтобы тѣ скорѣе допекали гагачьи яйца въ пескахъ, раскаленныхъ лучами майскаго солнца. По лаптѣ виднѣлись стада оленей, которые, избавившись отъ насѣкомыхъ, съ помощью морской прохлады, бѣгали по лаптѣ, лакомились мохомъ, играли между собою и даже рѣшились дразнить своихъ неусыпныхъ сторожей, маленькихъ курчавыхъ собаченокъ: то далеко убѣгая отъ стада, то совсѣмъ оставляя его, чтобы полежать на мхахъ. Собаченки преслѣдовали ихъ, не давая въ то время покоя и тѣмъ изъ оленей, которые хотѣли попользоваться отдыхомъ. Первыхъ хватали они за ноги, если только удавалось это; а на вторыхъ изливали свое собачье негодованіе тѣмъ, что поднявши къ верху и хвостъ и курчавую шерсть, рыли передъ ними, задними лапами, тундру— и лаемъ и визгомъ оглашали лапту до тѣхъ поръ, пока олени не вставали съ мѣстъ отдыха и не соединялись въ стада.

Время было близко къ полудню и Самоѣды, съ ближнихъ промысловъ, начинали собираться къ чумамъ, неся различную добычу. У однихъ были закинуты за спину шкуры морскихъ звѣрей, у другихъ мѣшки съ пухомъ; кто несъ въ ивовыхъ плетушкахъ рыбу; а иные вдвоемъ тащили большихъ тевякъ (бѣлугъ). Самоѣдки ожидали своихъ мужей и хозяевъ, ребята, пуская на встрѣчу отцамъ пуховыя шарики, торопились поглядѣть и ощупать руками добычу. Ближе къ рѣкѣ Коротаихѣ стоялъ Мя Пой (одинокій чумъ); чумъ этотъ былъ обширнѣе другихъ, ньюки на немъ были новые, а дверное отверстіе закрывалъ коверъ, а не простая холстина. Около чума гуляло большое стадо оленей; при стадѣ, кромѣ собакъ, находился работникъ.

Дѣти, игравшія около чума, были одѣты чище другихъ; на Самоѣдкахъ, занятыхъ плетеньемъ ковровъ изъ березняка

и ветлы, надѣты хорошія яндицы (женскія малицы), испещренныя по швамъ лоскутками изъ разноцвѣтнаго тонкаго сукна и обшитыя пандами (опушкою), не изъ собачины, а изъ дешевыхъ соболей. Какъ чумъ, такъ и окружающіе его предметы показывали состоятельность хозяина.

Къ этому чуму приближался крестивый (крещеный Самоѣдъ), безъ совы (шапки), въ бѣлой рубахѣ, подтянутой ременнымъ кушакомъ, украшеннымъ мѣдными пряжками. Съ крестивымъ шли двое работниковъ—тоже въ крѣпкомъ платьѣ и въ новыхъ бахилахъ. Войдя въ чумъ, крестивый привѣтствовалъ Самоѣдку, которая сидѣла около огонька, разведеннаго на чугунной плиткѣ. Самоѣдка была молода; опоздавъ принарядиться, для встрѣчи мужа, она доканчивала свой туалетъ. На колѣняхъ у ней лежало небольшое зеркальце, глядясь въ которое, она натирала сандаломъ, разведеннымъ въ винѣ, немытое и загорѣлое лицо свое. Около нея лежали стеклярусныя бусы, такія же браслеты и серебряныя серьги съ подвѣсками изъ гагачьяго пуха. Увидавши мужа, Самоѣдка поспѣшила вынуть изо-рта табачную жвачку — любимое лакомство Самоѣдовъ обоихъ половъ, почти всѣхъ возрастовъ и состояній. Вошедшіе въ чумъ, поспѣшили присѣсть къ котелку, привѣшенному на крючкѣ къ шесту, упертому концами въ ньюки чума. Въ котелкѣ варилась рыба, но самоѣды, не обративъ на нее вниманія, принялись дѣлить сырое оленье мясо, отрѣзывая куски у самаго рта. Этотъ процесъ для непривычнаго глаза кажется и страннымъ и страшнымъ: того и гляди Самоѣдъ отрѣжетъ себѣ или носъ или губу; но умѣнье, ловкость и привычка устраняютъ опасность. Самоѣды, глотая куски, запивали ихъ оленьею кровью; а до лепешечнаго хлѣба еще и не дотрогивались. Кровавыя пятна покрывали ихъ лица, захватанныя руками; кровь капала на одежду и на ковры, разосланные по полу; но Самоѣды, не заботясь ни о чемъ, молча ѣли и подавали объѣдки Самоѣдкамъ, которыя, по обыкновенью, усѣлись въ самой глубинѣ чума. Наконецъ дошла очередь и до ухи. Одна изъ самоѣдокъ, желая показать свое проворство, бросилась въ сину-

куй (*), чтобы достать оттуда лепешки, но Самоѣды мгновенно вскочили съ мѣстъ и закричали на услужницу.

У самаго хозяина, отъ злости, волосы поднялись дыбомъ, глаза налились кровью, около рта показалась пѣна,— и онъ, перегнувшись всѣмъ туловищемъ назадъ, началъ теребить Самоѣдку, подбрасывая ее почти до верху чума, и требовалъ курева, изъ вересу (можжевельника), или оленьяго сала, чтобы окурить сунукуй.

Въ это самое время вошелъ въ чумъ русскій мужичекъ изъ пустозерскихъ крестьянъ; онъ помолился иконамъ и обратился къ хозяину съ привѣтствіемъ:

— Здравствуй Сармикъ! Чего содомишь, али какая прокша (проклятый, нечистый) завелся у тебя въ мя (чумѣ)?

— Здурувъ, здурувъ, Ѳидоры, отвѣчалъ хозяинъ,—спожайлуста сажайся. Куси (поѣшь) рыба, сырья (сырой оленины), спожайлуй. Вишь кричалъ на работницу. Ребенка тащила (родила), два вичуръ назадъ, я еще мя другоіи не ставилъ, (**), и олень не поспѣлъ рѣзать, а уна, проклятый, пушла синькуіи. Нильзя ни срамить, нильзя ни судомить. Бранилъ да билъ ее, да хузяйкамъ велѣлъ курить, да оленье сало жечь, передо образомъ, тульку Ѳидурушка, тульку...

—Не серчай, Сармикъ, я принесъ тебѣ масла коровьяго, да наказалъ бабамъ своимъ послать кислаго молока. Скажи ка лучше, поѣдешь-ли со мною на промыселъ къ Хэго (***)

—Ѣдимъ, ѣдимъ, и спожайлуй ближе чѣмъ лось (Большая медвѣдица) будетъ мяндовать (стоять) на небѣ. У меня все исправно, все.... скороговоркой отвѣчалъ Сармикъ, облизы-

---

(*) Мѣсто, находящееся на противъ двери, и гдѣ хранятся всѣ съѣстные припасы, лучшія вещи. Мѣсто это считается чистымъ, къ нему не всякій можетъ подходить смѣло. Здѣсь же многіе изъ крещенныхъ Самоѣдовъ, ставятъ и иконы.

(**) Всѣ Самоѣды, и въ особенности зажиточные, для родильницъ ставятъ отдѣльный чумъ—такъ называемый очистительный—и кромѣ того, въ день рожденія младенца, убиваютъ оленя.

(***) Острову Вайгачу.

вая съ пальцевъ масло, которое большими кусками вынималъ изъ туеса (бурака).

Послѣ обѣда Самоѣды снова пошли на ближній промыселъ, Самоѣдки опять занялись своими дѣлами—и рано, очень рано утромъ карбасья (лодки, на манеръ катера) Сармика и Ѳедора уже плыли далеко по Сѣверному океану. Избравъ на островѣ Вайгачѣ мѣсто для промысла, хозяева и работники разошлись порознь. Одни начали ловить семгу и кумжу, кто въ устьяхъ рѣчекъ пелядь, чировъ и другую рыбу; иные загоняли съ заливчиковъ дикую птицу въ устья рѣчекъ, загораживали послѣднія и побивали птицу или палками, или ловили неводами. Пойманную птицу, Самоѣдки, нарочно взятыя для этой цѣли, ощипывали, солили и складывали въ картелки (бочки). Иные изъ работниковъ бродили по берегамъ, рыли тундру, утѣшая себя мыслью найти мамонтовыя кости, или что-нибудь похожее на нихъ, чтобы продать потомъ холмогорскимъ рѣзчикамъ, и тѣмъ доставить случай порѣзки изъ обыкновенной моржевой кости выдавать за издѣлія изъ кости допотопнаго животнаго, добытой въ Больше-земельской тундрѣ. Ѳедоръ, съ ватагою, составленною изъ своихъ и сармиковыхъ работниковъ, пустился въ го ю мя (море) бить морскихъ звѣрей; Сармикъ же находился при птицеловахъ, съ ними же былъ и русскій мужичекъ. Этотъ мужичекъ почти во весь промыселъ поглядывалъ на одну изъ рѣчекъ, и наконецъ, потерявъ терпѣніе, бросилъ неводъ и побѣжалъ ближе къ ней, крича:

— Стой, Сармикъ и вся башковатая Самоѣдь! Стой! не ори: кажись ошкуй (бѣлый медвѣдь) задумалъ своею бѣляною (бѣлой шерстью) пугать красное лѣтичко. Чай остался здѣсь за лѣнью, отъ медвѣжей ватаги, ровно дурманный покрутчикъ отъ своихъ собратій. Да знать ошкую не любо стало, знать жара маитъ, вишь все скосо пялитъ глаза на океанъ. Чай затѣваетъ покататься по океану на торосѣ (льдинѣ), али просто похолодовать. Бросай сѣти, ладь пищали, собирай снасть (веревки), совьемъ ее на дорогѣ, чтобы скрутить молодца, когда больно заспѣсивится и не станетъ сдаваться на наши ласки.

Сармикъ прежде всѣхъ работниковъ зарядилъ ружье и подскочивъ къ Пустозеру, спросилъ:

— Гдѣ видалъ ошкуя, Кузя, а Кузя?

— Вонъ прямо, вонъ хозяинъ—глянь на ветлы, видишь бѣлѣетъ по песку, словно морская пѣна. Глядь, топоршится, знать закочался, жарко стало...

— Матеръ знать ни больно, чуть вишь ветлы переросъ, повторяли другіе, подходя къ Сармику; да все равно, помогъ бы Богъ сдолѣть и этого; глядишь — за шкуру цѣлковичка три и выручитъ хозяинъ, да за сало дадутъ деньги.

— Ладно, ладно, видалъ—отвѣтилъ Сармикъ, кончившій обзоръ моря:—ты, Кузя, бреди съ другими все по закустью, да по закочкарникамъ, а я прямо пойду. Пойду, наберу сушинъ, да прутьевъ, приду супрутивъ звѣрь, да и загорю огня. Звѣрь чай пуглядитъ, пуглядитъ да и придетъ ко мѣ, вѣдь рѣка-та не широка. Гдѣ лисою подойду къ ошкую, а гдѣ волкомъ, не даромъ же,—продолжалъ Самоѣдъ,—и назвалъ меня отецъ Сармикомъ, Волкомъ—еще тугда, какъ рудился. Вишь тотъ день волковъ много подходило къ чуму, а олешьковъ не трогали; Тадибей—колдунъ—и говорилъ отцу: «олешьки твои цѣла за то, что сынъ рудился бульно бушковатъ и хитеръ бульше волка—зывай его Сармикъ». Наша самоѣдскія еще тогда на погостъ не ходили, батюшка священникъ имянъ русскихъ не давалъ, а назывались тѣми звѣрями, какоій или на промыселъ попадетъ въ день родинъ, или напакоститъ что въ оленьемъ стадѣ.

— Ладно, ладно, хозяинъ, про это знаемъ мы, а время терять нечего, говорилъ Кузьма,— докажи на дѣлѣ, что ты Сармикъ, сдолѣй ошкуя, пока не ушелъ.

Сказано—сдѣлано; ватага, зарядивъ ружья, отправилась въ обходъ; а Сармикъ, дойдя до рѣчки, развелъ огонь. Бѣлый медвѣдь лежалъ на пескахъ противнаго берега, и истомленный жарою, то переворачивался съ боку на бокъ, то вставалъ на ноги и покачивался со стороны на сторону, то обнюхивалъ и рылъ лапами песокъ, сердился и скалилъ зубы. Глаза его, налитые кровью и отороченные красноватыми вѣками,

казались, между бѣлою шерстью, горячими углями. Звѣрь болѣе всего досадовалъ на то, что онъ отыскивалъ ледъ, а подъ рыло и лапы попадалъ горячій песокъ; но злость звѣря еще болѣе усилилась, когда вѣтерокъ началъ наносить на него дымъ отъ огня, разведеннаго Сармикомъ. Дымъ этотъ ѣлъ глаза, звѣрь долго протиралъ ихъ лапами и наконецъ, потерявъ терпѣніе, рѣшился пуститься за рѣчку и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Вотъ уже онъ передними лапами опустился въ воду; но увидя плывущую льдину пріостановился, какъ бы раздумывая, плыть ли ему за рѣчку или ожидать льдины? Промышленники тѣмъ временемъ грянули изъ пищалей; а Сармикъ перейдя рѣчку, успѣлъ подставить подъ шею раненаго ошкуя желѣзную рогатину. Сармикъ въ это время не походилъ на себя: глаза, налитые кровью, безостановочно бѣгали, онъ весь дрожалъ, на лицѣ являлись судорожныя знаки; казалось, онъ нападалъ на звѣря съ большею самонадѣянностью, рѣшительностью и отчаяніемъ, чѣмъ на провинившуюся иньку (*); звѣрь, не готовившійся отразить нападеніе, гораздо менѣе представлялъ остервененія, и даже, отъ испуга-ли, отъ истомленія-ли или боли отъ ранъ, лѣниво вооружался противъ Сармика, и когда собралъ силы, было уже поздно: въ него попало нѣсколько пуль, остальные Самоѣды переплыли рѣчку, добили звѣря и начали сдирать шкуру. Радость, при видѣ добычи, выразилась крикомъ, прыжками, битьемъ въ ладоши, тѣмъ болѣе искренними, что убить ошкуя въ такую пору—великая рѣдкость.

Прошло болѣе мѣсяца въ промыслахъ Сармика и Ѳедора около береговъ Вайгача: надо было собираться и на морскую лапту, укладывать добычу въ карбасья и снимать чумы; Сармикъ съ работниками отправился посмотрѣть на Уэсако(**).

(*) Иньки—самоѣдскія жены.

(**) Надо замѣтить, что Мезенскіе Самоѣды, до обращенія въ христіанскую вѣру, почитали утесъ на Болванскомъ носѣ отцемъ всѣхъ своихъ боговъ; а на островѣ Вайгачѣ, по ихъ преданіямъ, жила

Былъ уже конецъ Іюня мѣсяца, когда на Сѣверномъ океанѣ бываетъ тихо, льдовъ около береговъ очень мало, и потому карбасья Сармика и Ѳедора плыли, покачиваясь съ боку на бокъ лишь отъ неровной гребли разнородныхъ гребцовъ, собранныхъ и изъ Самоѣдовъ и даже Самоѣдокъ. Пустозеры пѣли пѣсни про былое, вспоминая про отдаленныя времена, про житье-бытье боярина Матвѣева и про то, какъ пращуры ихъ ходили по печорскимъ лѣсамъ съ придворными ловчими ловить соколовъ и кречетовъ. Самоѣды, напротивъ, сидѣли молча, пожевыя табачную жвачку, или покуривая табакъ изъ маленькихъ желѣзныхъ трубокъ съ коротенькими чубучками, сдѣланными изъ моржевой кости. Солнце почти не закатывалось и ватага плыла день и ночь, повторяя самоѣдскую присказку:

«Настало красное лѣтичко, солнышко отпустило на покой и лося (больш. медвѣдицу) и всполохи (сѣверное сіяніе), не даетъ имъ и выглянуть: чуть-чуть отдохнетъ и опять само выйдетъ».

Послѣ недѣльнаго плаванія, карбасы приплыли и къ устью Каратаихи, стали видны и избы и амбары; а вотъ и часовенка—и передъ нею большой деревянный крестъ съ образомъ Св. Николая чудотворца.

Ѳедоръ, выйдя на берегъ, началъ возсылать благодарственныя молитвы Святителю, за благополучное плаваніе и уда-

---

мать боговъ, гдѣ поселилась еще до прихода Самоѣдовъ изъ-за Уральскаго хребта. До уничтоженія миссіонерами, водворявшими здѣсь христіанскую вѣру, всѣхъ самоѣдскихъ идоловъ, мать боговъ изображалъ истуканъ съ семью лицами, называвшійся Уэсако; кругомъ его находились маленькіе божки (хэге)—пенаты, отъ этого и островъ Вайгачъ Самоѣды называли прежде, и до сихъ поръ называютъ, какъ жилище матери боговъ, Хэге-о, Святая земля; многіе изъ самоѣдовъ и послѣ крещенія не забываютъ этого острова и хотя нѣтъ истукана, изображающаго Уэсако, но пенаты постепенно собираются изъ обрубковъ дерева, изъ продолговатыхъ камешковъ и имъ порою бываютъ приносимы жертвы.

чу промысла; Сармикъ же стоя за нимъ, также усердно кланялся въ землю и усердно повторялъ слова Ѳедора (*).

Послѣ моленія, Сармикъ отправился отыскивать свой чумъ, и не мало удивлялся, что отплывая на промыселъ оставилъ здѣсь Самоѣдовъ, а теперь встрѣчаетъ все Ижемцевъ (Ижемскихъ Зырянъ); дошелъ и до мѣста своего чума, и не разсмотрѣвъ, что около чума сидѣли не иньки, а Ижемки, вошелъ прямо въ чумъ. Въ чумѣ раздался суровый голосъ.

—Куда лезишь? али зелья (вина) хватилъ, обезумѣлъ что ли, не видишь—чужой чумъ, а не твой, поганый мя!

Сармикъ остановился, оглядѣлся кругомъ и удивился. Посереди чума, на разосланомъ коврѣ, опершись на подушки, сидѣлъ рослый мужикъ. Его сѣдая борода, освѣщаемая огнемъ, горящимъ на плиткѣ, серебрилась вмѣстѣ съ шелковою матеріею бухарскаго халата (*).

Это былъ зажиточный Ижемецъ, богатый оленьщикъ и замшевый заводчикъ. Передъ Ижемцемъ стоялъ самоваръ, вокругъ красивая чайная посуда, графинъ съ виномъ, позолоченная чарка и оловянная тарелка съ сырою осетриною, любимою закускою всѣхъ крестьянъ здѣшняго края, которые ведутъ мѣну съ Остяками за Уральскимъ хребтомъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла жена: на ней былъ сарафанъ изъ дорогаго пунцоваго ситца, занимающій середину между татарскою

(*) Мезенскіе Самоѣды еще и до обращенія въ христіанство почитали Св. Николая чудотворца и принося жертву своимъ богамъ, клали монеты въ кружку и оставили передъ иконою свѣчи, покупаемыя на ярмаркахъ. Между Самоѣдами и тогда существовало ежели не полное вѣрованіе, то покрайней мѣрѣ, сильное довѣріе, къ покровительству чудотворца на морѣ, выражаемое въ простыхъ словахъ:

«Самоѣдскіе божки берегутъ олешьковъ (оленей) отъ звѣрей, помогаютъ въ лѣсномъ и горномъ промыслахъ, а святой Микула (Николай чудотворецъ) на морѣ большой-набольшой».

(*) Теперь богатые Ижемцы стали покупать халаты на нижегородской ярмаркѣ, и носятъ ихъ и дома и въ тундрѣ, чего прежде не было.

рубашкою и блузою. Сармикъ мысленно былъ готовъ призвать Тадибея, (*) для разгадки, какимъ образомъ на мѣстѣ его чума очутился чужой. Новый крикъ хозяина заставилъ его, долго не раздумывая, выйти вонъ изъ чума и направиться къ своему карбасу. На дорогѣ повстрѣчалъ онъ знакомаго Русака (такъ называютъ Самоѣды русскихъ крестьянъ), остановился и попросилъ разсказать куда дѣвались Самоѣды? —На диво что ли тебѣ? отвѣчалъ Русакъ; развѣ первое лѣто ведется. Ваши пошли въ лѣса, я думаю, проберутся по ближе къ рѣкѣ Усѣ. Жаль бѣдныхъ оленей; натоскуются отъ комара, да отъ овода. Мы недавно изъ лѣсу, тамъ кишьмя кишитъ всякій гадъ. И вы то наголодуетесь, за молокомъ выѣхать не куда, а оленей бить не станете, ихъ и безъ того повыведетъ копытная (**); она уже заводится на Тиманскомъ, а Ижемцы и тамъ промышляютъ—того и гляди занесутъ и сюда въ тундру, да и на Усу.

—Да, худо будетъ, отвѣтилъ разсѣянно Сармикъ, и бросился къ берегу объяснить свое горе Ѳедору.

Ѳедоръ съ притворною жалостью выслушалъ Сармика, поругалъ слегка Ижемцевъ, не щадя и своихъ Пустозеръ; но болѣе всего совѣтовалъ сложить промыселъ въ его амбары, послать работниковъ отъискивать куда ушли Самоѣды, а самому остаться у него въ чумѣ. Сармикъ принялъ предложеніе Ѳедора и пошелъ съ нимъ къ чуму. Въ чумѣ Ѳедоръ, какъ говорится, распоясался, велѣлъ женѣ согрѣть самоваръ, нацѣдить изъ бочки вина въ большую посуду, подать меду, пряниковъ, репчатаго луку (***) и пеннаго (нетопленнаго) масла. Жена пошла распоряжаться, а Ѳедоръ, усаживая гостя на лучшій коверъ, предложилъ даже и подушки.

—Не кручинься, Сармикъ, поотдохнешь и распорядишься,

(*) Кудесникъ.

(**) Особенная повальная болѣзнь.

(***) Луку по всей Печорѣ вовсе не сѣютъ, а покупаютъ его на Чердынскихъ каюкахъ, и онъ въ здѣшнемъ краю почитается лакомствомъ.

какъ отыскать свой мя. Промыселъ пролежитъ до осени и у меня; а тамъ придете опять на лапту—кому нибудь и сбудешь. А мой бы совѣтъ такой: сдать промыселъ теперь съ рукъ на руки, вѣдь онъ мало уронитъ цѣны, въ особенности какъ понадумаешься, да поладишь съ нами, Пустозерами. У нашихъ совѣсть не ижемская.

Сармикъ слушалъ Ѳедора и потягивалъ вино стаканъ за стаканомъ; когда же выпилъ весь графинъ—запросилъ другой, Ѳедоръ не противорѣчилъ, однако съ небольшею оговоркою:

—За вино стоять не буду; налью не только другую посудину, и въ третьей не откажу,—только ты не выбивай изъ памяти, что здѣсь трудна (тундра)—вино изъ далека везено..

—Знаю про то и не даромъ прошу, перебилъ Ѳедора Сармикъ: за каждый графинъ возьми пудъ пуху; того мало, бери больше; наши самоѣдскіе,—не вашъ братъ Руссакъ, гулять хочетъ—не только за промысломъ непогонится,—бабу прогуляетъ и то никому жалиться не станетъ.

—Дѣлать нечего: знать пришла велика охота попить, прикажу нацѣдить еще посудину, да только во—что: не быть бы мнѣ въ накладѣ... Вѣдь ты за лоннее вино, еще никакъ въ долгу остался?—спрашивалъ Сармика Ѳедоръ; а Сармикъ лишь покачивалъ головою и показывалъ на графинъ. Ѳедоръ продолжалъ:

—За ту зиму послѣ Благовѣщенской, тоже напилъ много; ну, въ ту пору какъ пріѣхалъ на тройкѣ олешьковъ, а домой тебя спровадили чуть-чуть не по эдомѣ (по міру). Да ужъ про то смалчивать нечего, и въ нынѣшній промыселъ, какъ себѣ, кумку чарки цѣдилъ и тебя не обносилъ, а эдакъ придется съ тебя не мало; смотри и десяткомъ пудовъ не разочтемся, не зыкнуть ли работникамъ — повѣсили бы твой пухъ? . . .

—Полно калякать, давай вина, сказываю: давай! Пуху мало, тащимъ другой промыселъ, есть звѣрь, кость — мало ли что есть, говорю давай,—безъ умолку кричалъ Сармикъ постукивая кулакомъ о столъ; но по-мѣрѣ-того какъ число графи-

новъ увеличивалось, онъ становился слабѣе—и начиналъ просить Ѳедора пріискать покупателей на весь промыселъ. За покупателями дѣло не стало, они наполнили чумъ, да торгъ то шелъ все въ убыль Сармику. Сармикъ, соскучившись торговаться, протянулъ руку Ѳедору и едва передвигая языкъ, окончательно сказалъ:

—Ѳедоръ, бери мою руку, пускай разнимаютъ, промыселъ твой. Давай мнѣ два олешка, сани, хорей, да два кубка водка. Поѣду самъ искать своихъ, возьму съ собою работницу, что яренка, (*) работникъ пущай пѣшкомъ идутъ.

—Такъ, что ли?... Ѳедоръ! Давай,—и одолѣваемый сномъ Сармикъ сталъ говорить едва внятно, и склонясь болѣе и болѣе на подушки—заснулъ. Ѳедоръ все слышалъ, и былъ очень доволенъ мѣною, которая представляла ему какія нибудь десять рублей на сто промысла; но при постороннихъ молчалъ; а когда всѣ вышли изъ чума—началъ будить Сармика.

—Такъ и быть, по рукамъ, хоть и многонько прошаешь. ну да поладимъ, будто ради стараго хлѣба—соли... Отдыхай, выспишься да поправишься, а той порою и олешки уже у чума будутъ.

Сармикъ уже ничего не слыхалъ, даже и того, какъ Ѳедоръ чуть не на всю лапту закричалъ на свою хозяйку, которая хотѣла убирать вино и закуску.

—Не тронь! ништи, не вспонятная. Поспѣешь собрать, а ли еще добавить, какъ прочухается гостиненъ. Надо его такъ ублажить винцомъ, чтобы безъ слова согласился и новый карбасъ свой и снасть всю промѣнять на какія-либо бабушки (бездѣлушки). Вотъ какъ! ладно ли на умѣ держу? продолжалъ Ѳедоръ, ударивъ, въ родѣ привѣтствія, жену по плечу и потеребя Сармика.

—Жалѣть Сармика нечего, богатъ, весною другой карбасъ сробитъ, не то у меня свой же вымянѣетъ, деньги ему не

(*) Яренками вообще называютъ молодыхъ Самоѣдокъ и не рѣдко молодыхъ вдовъ.

куда дѣвать. Да и то молвить, что и всѣхъ Самоѣдовъ надо поить не жалѣя вина, зато и поратѣе (болѣе) и зорить. Вишь опять богатѣями стаютъ, да и дурковатость бросаютъ. Нынѣ не скоро оплетешь ихъ, особенно съ Канина, а оглядывайся—самого бы не надули. Всѣ причины эти повелись съ тоїй поры, какъ почало стороннее начальство разъѣзжать по трундамъ, да завелась эвта лѣсная коммисія; ужъ она пуще всѣхъ сокрушаетъ нашу Печору, продолжалъ Ѳедоръ почесывая затылокъ; а Сармикъ еще все спалъ; но проснувшись, не просилъ болѣе вина, а отославъ работниковъ, началъ запрягать оленей.

Олени были готовы; Сармикъ вооружился хореемъ (шестомъ), посадилъ яренку на задокъ санокъ, распростился съ Ѳедоромъ и закричалъ на оленей: «кысъ, кысъ»! толкая ихъ заднимъ концомъ хорея; потомъ сталъ учащенно переворачивать хорей, то удерживая имъ въ ямахъ сани, то снова понуждая оленей.

Сармикъ, проѣхавъ около десяти верстъ, потягивая безпрестанно вино, заговорилъ съ яренкою по самоѣдски:

—Кажется по этой воргѣ (дорогѣ) проѣхали наши: вижу по ямамъ, выбитымъ копытами моихъ оленей. Доѣдемъ, вотъ до этой рѣчки, дамъ оленямъ малый духъ. (*) Олени добѣжали и до рѣчки, поднявшіїся вѣтерокъ рябилъ воду и приподнималъ небольшія волны. Сармикъ остановился у бережка, положилъ между копыльями попавшіяся подъруки жердочки, и снова закричалъ на животныхъ; олени поплыли за рѣку, выставляя лишь изъ воды свои головы, да дружно таща санки. Сармикъ, опустивъ ноги въ воду, заправлялъ ими какъ гребцами на карбасѣ. По срединѣ рѣки стало глубѣть, сани почти всѣ покрывала вода; но Сармикъ и яренка сидѣли спокойно, да и чего имъ было опасаться когда они за Сибирскимъ камнемъ (Уральскимъ хребтомъ) не однажды переплыли и рѣку Обь, даже и при Лямъ—Сорѣ.

(*) Отдыхъ, и эти отдыхи, смотря по числу проѣханныхъ верстъ, называютъ: большой и малый самоѣдскій духъ.

Переплывя рѣку, Сармикъ остановился дать малый духъ оленямъ и сойдя съ саней, началъ измѣрять по тундрѣ разстояніе между колеями, оставленными полозьями саней, проѣхавшихъ до него; когда нашелъ подобное разстояніе, обрадовался и, садясь на сани, погналъ сильнѣе оленей, говоря яренкѣ:—вотъ здѣсь проѣхалъ нашъ аргишъ, теперь найдемъ и чумъ.

Олени дружно бѣжали, оборачивая головы по вѣтру и обнюхивая съ которой стороны завѣетъ дымокъ, чтобы узнать нѣтъ ли тутъ чума, для роздыха и ночлега хозяину.

Б. Яновскій.